

Лев Николаевич

Толстой

Об общественном движении в России

(1905 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – Ленинград

1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 36–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 36-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1905 Г.

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ.

Два месяца тому назад я получил телеграмму с оплаченным на сто слов ответом от Северо-Американской газеты, спрашивающей меня о том, что я думаю о значении, цели и вероятных последствиях земской агитации. Так как я имел и имею очень определенное и несогласное с мнением большинства мнение об этом предмете, я счел нужным его высказать.

Я ответил так:

«Цель агитации земства – ограничение деспотизма и установление представительного правительства. Достигнут ли вожаки агитации своих целей или будут только продолжать волновать общество, – в обоих случаях верный результат всего этого дела будет отсрочка истинного социального улучшения, так как истинное социальное улучшение достигается только религиозно нравственным совершенствованием отдельных личностей. Политическая же агитация, ставя перед отдельными личностями губительную иллюзию социального улучшения посредством изменения внешних форм, обыкновенно останавливает истинный прогресс, что можно заметить во всех конституционных государствах, Франции, Англии и Америке».

Содержание этой телеграммы не вполне точно было напечатано в «Московских ведомостях», и вслед за этим я стал получать и получаю до сих пор письма с упреками за выраженную мною мысль и кроме того запросы от американских, английских и французских газет о том, что я думаю о совершающихся теперь в России событиях. Я хотел было не отвечать ни на те, ни на другие, но после Петербургского злодеяния и тех сложных чувств негодования, страха, озлобления и ненависти, которые это злодеяние вызвало в обществе, я счел своей обязанностью высказать с большей подробностью и определенностью то же, что вкратце было высказано мною в ста словах американской газеты. Может быть то, что я имею сказать, поможет хотя некоторым людям освободиться от тех мучительных чувств осуждения, стыда, раздражения, ненависти и желания борьбы и мести и сознание своей беспомощности, которые испытывает теперь большинство русских людей, и направит их энергию на ту внутреннюю, духовную деятельность, которая одна дает истинное благо как личностям, так и обществу, и которая теперь тем более необходима, чем сложнее и тяжелее совершающиеся события.

Думаю я о совершающихся событиях вот что:

Не только русское, но всякое правительство я считаю сложным, освященным преданием и обычаем учреждением для совершения посредством насилия безнаказанно самых ужасных преступлений, убийств, ограблений, спаивания, одурения, развращения, эксплуатации народа богатыми и властвующими; и потому полагаю, что все усилия людей, желающих улучшить общественную жизнь, должны быть направлены на освобождение себя от правительств, зло и, главное, ненужность которых становятся в наше время всё более и более очевидными. Достигается, по моему мнению, эта цель одним, только одним единственным средством: внутренним религиозно нравственным совершенствованием отдельных лиц.

Чем выше в религиозно-нравственном отношении будут люди, тем лучше будут те общественные формы, в которые они сложатся, тем меньше будет правительственного насилия и совершаемого им зла. И наоборот, чем ниже в религиозно нравственном отношении будут люди известного общества, тем могущественнее будет правительство и тем больше то зло, которое оно совершает.

Так что зло, испытываемое людьми от злодеяний правительств, всегда пропорционально религиозно-нравственному состоянию общества, какую бы – ту или иную – форму ни приняло это общество.

Между тем некоторые люди, видя всё то зло, которое совершает в настоящее время русское, особенно жестокое, грубое, глупое и лживое правительство, думают, что происходит это оттого, что русское правительство не так устроено, как они думают, что оно должно бы было быть устроено, – по образцу других существующих правительств (таких же учреждений для безнаказанного совершения всякого рода преступлений над своими народами); и для этого употребляют все находящиеся в их власти средства, воображая, что изменение внешних форм может изменить содержание.

Деятельность такую я считаю нецелесообразной, неразумной, неправильной (то есть что люди приписывают себе права, которых они не имеют) и вредной.

Нецелесообразной я считаю такую деятельность потому, что борьба силой и вообще внешними проявлениями (а не одной духовной силой) ничтожной горсти людей с могущественным правительством, отстаивающим свою жизнь и имеющим для этого в своей власти миллионы вооруженных, дисциплинированных людей и миллиарды денег, – только смешна с точки зрения возможности успеха и жалка с точки зрения гибели тех несчастных увлеченных людей, которые гибнут в этой неравной борьбе.

Неразумной я считаю эту деятельность потому, что, допустив самое невероятное, то есть что люди, борющиеся теперь с существующим правительством, восторжествуют, – положение людей не может от этого улучшиться.

Теперьшнее насильническое правительство таково ведь только оттого, что общество, над которым властвует правительство, состоит из нравственно слабых людей, из которых одни, руководимые честолюбием, корыстью, гордостью, не стесняясь совестью, всеми средствами стараются захватить и удержать власть, а другие из страха, тоже корысти, тщеславия или вследствие одурения помогают первым и подчиняются. И потому, как бы ни перемещались эти люди, в какую бы форму ни складывались, из таких людей всегда сложится такое же, столь же насильническое правительство.

Неправильной же я считаю эту деятельность потому, что люди, теперь в России борющиеся против правительства, – либеральные земцы, врачи, адвокаты, писатели, студенты, революционеры и несколько тысяч оторванных от народа и опропагандированных рабочих, называя и считая себя представителями народа, не имеют на это звание никакого права. Люди эти предъявляют правительству во имя народа требование свободы печати, свободы совести, свободы собраний, отделения церкви от государства, восьмичасового рабочего дня, представительства и т. п. А спросите народ, большую массу, сто миллионов крестьянства о том, что они думают об этих требованиях, и настоящий народ, крестьяне, будут в затруднении отвечать, потому что требования эти и свободы печати, и свободы собраний, отделения церкви от государства, даже восьмичасового дня – для большей массы крестьянства не представляют никакого интереса.

Ему не нужно ничего этого, ему нужно другое: то, чего он давно ждет и желает, о чем не переставая думает и говорит, и то, о чем нет ни одного слова во всех либеральных адресах и речах и чуть мельком упоминается в революционных, социалистических программах, – он ждет и желает одного: освобождения земли от права собственности, общности земли. Когда земля не будет отнята у него, его дети не пойдут на фабрики, а если и пойдут, сами установят себе часы и цену.

Говорят: дайте свободу, и народ выскажет свои требования. Это неправда. В Англии, Франции, Америке полная свобода печати, но об освобождении земли не говорят ни в парламентах, ни в прессе, и

вопрос об общем праве всего народа на землю все больше и больше отходит на задний план.

И потому либеральные и революционные деятели, составляющие программы требований народа, не имеют никакого права считать себя представителями народа: они представляют только себя, и народ для них недобросовестное знамя.

Так, по моему, нецелесообразна, неразумна и неправильна эта деятельность; вредна же она тем, что отвлекает людей от той единственной деятельности – нравственного совершенствования отдельных лиц, посредством которой и только посредством которой достигаются те цели, к которым стремятся люди, борющиеся с правительством.

Скажут: «одно не мешает другому». Но это неправда. Нельзя делать двух дел зараз: нельзя нравственно совершенствоваться и участвовать в политических делах, вовлекающих людей в интриги, хитрости, борьбу, озлобление, доходящее до убийств. Деятельность политическая не только не содействует освобождению людей от насилий правительств, но, напротив, делает людей всё более и более неспособными к той единственной деятельности, которая может освободить их.

До тех пор пока люди будут неспособны устоять против соблазнов страха, одурения, корысти, честолюбия, тщеславия, которые поработают одних и развращают других, они всегда сложатся в общество насилующих, обманывающих и насилуемых и обманываемых. Для того чтобы этого не было, каждому человеку надо сделать нравственное усилие над самим собой. Люди сознают это в глубине души, но им хочется как-нибудь помимо усилия достигнуть того, что достигается только усилием.

Выяснить своими усилиями свое отношение к миру и держаться его, установить свое отношение к людям на основании вечного закона делания другому того, что хочешь чтобы тебе делали, подавлять в себе те дурные страсти, которые подчиняют нас власти других людей, не быть ничьим господином и ничьим рабом, не притворяться, не лгать ни ради страха, ни выгоды, не отступать от требований высшего закона своей совести – всё это требует усилий; вообразить же себе, что установление известных форм каким-то мистическим путем приведет всех людей, в том числе и меня, ко всякой справедливости и добродетели, и для достижения этого, не делая усилий мысли, повторять то, что говорят все люди одной партии, суетиться, спорить, лгать, притворяться, браниться и драться, – всё это делается само собою и для этого не нужно усилия.

Людям так хочется, чтобы это было, что они уверяют себя, что это и есть. И вот является такая теория, по которой доказывается, что люди могут без усилия достигнуть плодов усилия. Теория совершенно подобная той, по которой молитвы о своем совершенствовании, вера в искупление грехов кровью Христа или в благодать, передаваемую таинствами, могут заменить личное усилие. На этой же психологической иллюзии основана и та удивительная теория об улучшении общественной жизни посредством изменения внешних форм, которая произвела и

производит такие ужасные бедствия и более всего другого задерживает истинный прогресс человечества.

Люди сознают, что в их жизни что-то нехорошо и что что-то надо улучшить. Улучшать же человек может только то одно, что в его власти, – самого себя. Но для того чтобы улучшить самого себя, надо прежде всего признать, что я нехорош; а этого не хочется. И вот всё внимание обращается не на то, что всегда в своей власти, – не на себя, а на те внешние условия, которые не в нашей власти, и изменение которых так же мало может улучшить положение людей, как взбалтывание вина и переливание его в другой сосуд не может изменить его качества. И начинается, во-первых, праздная, а во-вторых, вредная, гордая (мы исправляем других людей) и злая (можно убить людей, мешающих общему благу), развращающая деятельность.

«Перестроим общественные формы, и общество будет благоденствовать». Хорошо бы было, если бы так легко достигалось благо человечества. К несчастью, или скорее к счастью (потому что если бы одни люди могли устраивать жизнь других, эти другие были бы самые несчастные люди), – к счастью это не так: жизнь человеческая изменяется не от изменения внешних форм, а только от внутренней работы каждого человека над самим собой. Всякое же усилие воздействия на внешние формы или на других людей, не изменяя положения других людей, только развращает, умаляет жизнь того, кто, – как все те политические деятели, короли, министры, президенты, члены парламентов, всякого рода революционеры, либералы, – отдается этому губительному заблуждению.

Поверхностно судящие, легкомысленные люди, особенно взволнованные совершившейся на днях в Петербурге братоубийственной бойней и всеми сопровождавшими это злодеяние событиями, думают, что главная причина этих событий в деспотизме русского правительства и что если бы самодержавная, монархическая форма русского правительства была заменена конституционной или республиканской, такие события не могли бы повториться.

Но ведь главное (если вникнуть во все его значение) бедствие, от которого страдает теперь русский народ, это не петербургские события, а затеянная десятком безнравственных людей бессмысленная, постыдная и жестокая война. Война эта уже погубила и искалечила сотни тысяч русских людей, угрожает уничтожить и искалечить еще столько же; разорила и разоряет не только людей настоящего времени, но накладывает еще огромный, в виде долгов, налог на труд будущих поколений и губит души людей, развращая их. То, что было в Петербурге 9-го января, ничто в сравнении с тем, что делается там. Там в один день убиваются и калечатся в сто раз большее число людей, чем то, которое погибло 9-го января в Петербурге. И гибель этих людей там не только не возмущает общество, как убийства в Петербурге, но общество равнодушно, а часть его даже сочувственно смотрит на то, что новые и новые тысячи людей гонятся туда для такого же бессмысленного, бесцельного уничтожения.

Бедствие это ужасно. И потому, если уж говорить о бедствиях русского народа, то главное бедствие – это война, а петербургские события –

только невольное, сопутствующее большому бедствию обстоятельство, и если отыскивать средства избавления от бедствий, то надо найти такие, которые избавляли бы от обоих бедствий. Перемена же деспотической формы правления на конституционную или республиканскую не избавит Россию ни от того, ни от другого бедствия. Все конституционные государства точно так же, как и русское, не переставая бессмысленно вооружаются и точно так же, как и русское, когда это вздумается нескольким людям, имеющим власть, посылают свои народы на братоубийства. Абиссинская, Бурская, Испанские войны с Кубой, Филиппинами, Китай, Тибет, войны с Африканскими народами – всё это войны, веденные самими конституционными и республиканскими правительствами, и точно так же все эти правительства, когда находят это нужным, подавляют вооруженной силой те восстания и проявления воли народов, которые они считают нарушением законности, то есть того, что эти правительства в данную минуту считают законом.

Когда в государстве, с какой бы то ни было конституцией, существует организация насильнической власти, которая темп или иными приемами может быть захвачена несколькими людьми, всегда происходят, в той или иной форме, такие же события, как те, которые происходят теперь в России – и войны и подавления восстаний.

Так что значение происходивших в Петербурге событий совсем не в том, как это думают легкомысленные люди, что события эти показали нам особенную зловредность русского деспотического правительства и что поэтому надо постараться заменить русское деспотическое правительство конституционным. Значение этих событий гораздо важнее: оно заключается в том, что по действиям особенного глупого и грубого русского правительства нам яснее, чем по действиям других более приличных правительств, зловредность и ненужность не такого или иного, а всякого правительства, т. е. собрания людей, имеющих возможность заставлять подчиняться своей воле большинство народа.

В Англии, Америке, Франции, Германии зловредность правительств так замаскирована, что люди этих народов, указывая на события в России, наивно воображают, что то, что делается в России, делается только в России, а что они пользуются совершенной свободой и не нуждаются ни в каком улучшении своего положения, то есть находятся в самом безнадежном состоянии рабства – рабства рабов, не понимающих того, что они рабы, и гордящихся своим положением рабов.

Положение нас, русских, в этом отношении и тяжелее (в том отношении, что совершаемые насилия грубее) и лучше в том, что нам легче понять, в чем дело.

Отношение, положение и настроение русских людей и европейских и в особенности американских совершенно такое, как описывается отношение, положение и настроение двух людей, вошедших в храм, про которых рассказывается в Евангелии Луки, гл. XVIII, ст. 10, 11, 13 (фарисей и мытарь).

Дело в том, что всякое насильническое правительство по существу своему ненужное, великое зло и что по этому дело, как нас, русских, так и всех людей, поработанных правительствами, не в том, чтобы

заменять одну форму правительства другой, а в том, чтобы избавиться от всякого правительства, уничтожить его.

Так что мнение мое о совершающихся теперь в России событиях такое: русское правительство, как всякое правительство, есть ужасный, бесчеловечный и могущественный разбойник, зловердная деятельность которого не переставая проявлялась и проявляется точно так же, как, зловердная деятельность всех существующих правительств: американского, французского, японского, английского. И потому всем разумным людям надо всеми силами стараться избавиться от всяких правительств, и русским людям от русского.

Для того же, чтобы избавиться от правительств, надо не бороться с ними внешними средствами (до смешного ничтожными в сравнении с средствами правительств), а надо только не участвовать в них и не поддерживать их. Тогда они будут уничтожены.

Для того же, чтобы не участвовать в правительствах и не поддерживать их, надо быть свободным от тех слабостей, по которым люди попадают в сети правительств и делаются рабами или участниками их.

А быть свободным от тех слабостей, которые делают людей рабами и участниками правительств, может только человек, установивший свое отношение ко Всему, к Богу, и живущий по единому, высшему закону, вытекающему из этого отношения, то есть человек, религиозно-нравственный.

И потому чем яснее видят и чувствуют люди зло правительств, – как теперь мы, русские люди, особенно ясно, болезненно чувствуем зло глупого, жестокого и лживого русского правительства, погубившего уже сотни тысяч людей, разоряющего и развращающего миллионы людей и начинающего уже вызывать русских людей на убийство друг друга, – тем напряженнее должны мы стараться установить в себе ясное и твердое религиозное сознание и тем неуклоннее исполнять вытекающий из этого сознания закон Бога, не требующий от нас исправления существующего правительства или установления такого общественного устройства, которое по нашим ограниченным взглядам обеспечивает общее благо, а требующий от нас только одного: нравственного самосовершенствования, то есть освобождения себя от всех тех слабостей и пороков, которые делают нас рабами правительств и участниками их преступлений.

Я кончил эту заметку и был в нерешительности – публиковать или не публиковать ее, когда получил замечательное, не подписанное письмо.

Вот это письмо:

«Который день не могу справиться с собою.

«Когда кто начинает говорить о рабочих, начинаю его ненавидеть, и делается физически скверно.

«Были и груды трупов, и женщины, и дети, которых окровавленных везли на извозчиках. Но разве это страшно? Страшны солдаты с своими обыкновенными, не думающими и не понимающими добрыми лицами, как они

припрыгивают на морозе и ждут команды в кого-то стрелять. Страшна публика тоже с обыкновенными, любопытными лицами. Даже самые добрые люди идут, чтобы увидеть самим или от других узнать про что-нибудь «ужасное» – окровавленные, разрубленные трупы и т. д. ...Точно может быть что-нибудь страшнее этих солдат, которые как всегда, и этих добрых людей, которым хочется одного – чтобы нервы содрогнулись от чего-нибудь ужасного.

«Я не могу определить, что тут самое страшное; кажется, го, что они не понимают и что у них обыкновенные лица, несмотря на то, что через час будут убитые люди и везде на камнях кровь.

Кажется, самое страшное ощущать, что между людьми нет никакой связи; кажется, это самое страшное.

«Из той же деревни, только одни в серой шинели, а другие в черном пальто, и никак не можешь понять, почему серые шутят о морозе и мирно поглядывают на идущих мимо них черных людей, когда они не только знают, что у каждого из них патронов на десять выстрелов, но знают и то, что через час, два все эти патроны будут истрачены. И черные люди смотрят на них, точно так тому и быть должно. Об этом разобщающем людей читаешь в книгах, говоришь и не чувствуешь, как это страшно; а когда всё вокруг тебя и, как эти дни, на время всё другое перестало существовать, а есть только это одно: серые шинели, черные пальто и нарядные шубы, и все они заняты одним, но все по разному, никого это не удивляет, никто из них не знает, почему одни стреляют, другие падают, а третьи смотрят. И в другое время – та же страшная и непонятная жизнь, где в порядке вещей убивать по команде без всякой вражды и ненависти; но эти дни всё остальное остановилось на время, и осталось только это страшное. Такое чувство, точно от каждого человека тебя отделяет пропасть, и ее не перейти, хоть ты и совсем близко. Это чувство невыносимо.

«Раз пять принималась писать вам и бросала и в конце концов всё-таки пишу. Может быть просто потому, что непереносимо молчать изо дня в день. Все говорят о помощи рабочим и сочувствуют будто бы. Но ужасно не положение рабочих, я помощь нужна не им, а тем, кто стрелял и топтал людей, и тем, кто на другой день гулял и смотрел на разбитые стекла, фонари, на следы пуль и не видел замерзшей крови на тротуаре и шаркал по ней ногами».

Да, всё дело в том, что есть что-то, что разобщает людей, и что нет связи между людьми. Всё дело в том, чтобы устранить то, что разобщает людей, и поставить на это место то, что соединяет их. Разобщает же людей всякая внешняя, насильническая форма правления, соединяет же их одно: отношение к Богу и стремление к Нему, потому что Бог один для всех а отношение всех людей к Богу одно и то же.

Хотят или не хотят признавать это люди, перед всеми нами стоит один и тот же идеал высшего совершенствования, в только стремление к нему уничтожает разобщение и приближает нас друг к другу.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ».]

* № 1.

Правительства организуются и держатся не силою самих правительственных лиц (ихъ мало, и они слабы), а обманами, одурениемъ народа, жестокостью, казнями и убійствами и угрозами ихъ и, главное, корыстолюбиемъ, честолюбиемъ, завистью, злобою и отсутствиемъ религіознаго сознанія самаго народа. Вслѣдствіи этого выходитъ то, что самъ народъ, отъ высшихъ до низшихъ слоевъ, самъ устраиваетъ себѣ правительство, которое давить его и, чувствуя это давленіе, негодуетъ на правительство, не видитъ того, что онъ самъ дѣлаетъ зло – правительство, отъ котораго онъ страдаетъ, и что причиною его бѣдствій то, что есть вообще правительство, и въ своемъ вѣковомъ одуреніи воображаетъ себѣ, что положеніе его улучшится, если онъ вслѣдствіи [перемѣны] лицъ одного правительства или одного внутренняго устройства правительства установить другія лица или другой порядокъ. И, предаваясь этимъ иллюзіямъ, самозванные представители народа, большею частію самые безпринципные люди, начинаютъ суетиться и агитировать и требовать смѣненія правительственныхъ лицъ, измѣненія порядковъ и этимъ только ухудшаютъ положеніе, потому что то, что они дѣлаютъ, вызывая борьбу, раздраженіе, злобу, прямо противоположно тому, что одно можетъ улучшить положеніе общества. Поступая такъ, агитирующие люди дѣлаютъ то самое, что дѣлаетъ человекъ, [который], вмѣсто того чтобы развязывать узелъ, затягиваетъ его, и чѣмъ больше затягиваетъ, тѣмъ больше сердится на то, что узелъ не развязывается.

Улучшеніе положенія людей, къ какому бы они не принадлежали обществу, можетъ произойти только отъ внутренняго религіозно–нравственнаго совершенствованія отдѣльныхъ лицъ. Чѣмъ выше въ религіозно–нравственномъ отношеніи будутъ люди, тѣмъ лучше будутъ тѣ общественныя формы, въ которыя они сложатся. Общество же людей жестокихъ, корыстныхъ, лживыхъ, въ какую–бы внѣшнюю форму не были бы поставлены, неизбежно устроятъ себѣ жизнь тяжелую, мучительную, соотвѣтственно своему религіозно–нравственному состоянію. Это до такой степени очевидно, что совѣстно останавливаться на этомъ, доказывая это.

Иллюзія о томъ, что внѣшнія формы могутъ изменить внутреннее содержаніе, основаны на психологической склонности, желаніи избавиться отъ личнаго труда усилія, замѣнивъ его чѣмъ-нибудь внѣшнимъ. На этомъ основана вѣра въ гаданіе, на этомъ основана значительность, приписываемая внѣшней обстановке, приличіямъ, учтивости и всѣ ложныя вѣры, обѣщающія улучшеніе безъ усилій, на этомъ же основана и вѣра въ улучшеніе общественной жизни отъ внѣшнихъ формъ.

Если же это такъ, и жизнь людей можетъ улучшиться только отъ внутренняго совершенствованія, то очевидно, что всѣ тѣ агитаціи, которымъ предаются сторонники внѣшнихъ измѣненій – либералы, революціонеры, отвлекаютъ ту душевную энергію, которая должна бы была быть употреблена на внутреннюю работу уясненія своего религіознаго сознанія, на борьбу съ страстями и соблазнами.

Нельзя дѣлать двѣ работы вмѣстѣ, и человекъ, отдающійся внѣшней дѣятельности, не можетъ работать надъ собой внутренне, а только внутреннее совершенствованіе достигаетъ той цѣли, къ которой стремится человекъ, отдающійся внѣшней дѣятельности. Въ этомъ одномъ причина нецѣлесообразной внешней агитационной дѣятельности; другая, и самая важная, въ томъ, что сама агитационная дѣятельность по существу своему противна, несовместима съ дѣятельностью религіозно-нравственной.

Главная основа религіозно-нравственной дѣятельности есть сознаніе своего братства со всѣми людьми и потому стремленіе къ установленію между всѣми близкими любовнаго согласія. Дѣятельность же внѣшняя, политическая есть всегда борьба, желаніе разрушить, покорить и, очевидно, вызываетъ такія же желанія въ тѣхъ, съ кѣмъ они борются. Политическая дѣятельность, начинаясь петиціями, адресами, депутаціями, продолжается въ видѣ массовыхъ схватокъ, борьбой съ оружіемъ, казнями, убійствами, междуусобіями. И потому внешняя политическая дѣятельность не только несовместима съ той внутренней дѣятельностью, которая одна можетъ исправить существующее зло, но прямо противоположна ей.

Такъ это вообще по отношенію ко всякой политической, внешней дѣятельности; въ той же теперешней политической агитаціи въ Россіи есть еще особенности, принадлежащія именно русскому и современному движенію и явно показывающія, кроме его зловредности, еще и пустоту и легкомысленность, если не недобросовѣстность этого движенія.

* № 2.

Тамъ нѣтъ цензуры правительства, но есть власть богатыхъ и какъ

пчелы, не въ силахъ убить, обмазываютъ клочки, чтобы они не вредили, такъ и большая пресса богачей не даетъ ходу социалистическимъ, анархическимъ, Генри-Джорджевскимъ періодическимъ изданіямъ. Они возникаютъ и держатся въ очень ограниченныхъ, маленькихъ предѣлахъ, а патриотическія, правительственныя расходятся въ миллионѣхъ.

Такъ что тѣ врачи, адвокаты, газетчики и либеральствующіе помещики никакого права не имѣютъ считать себя представителями народа: они представляютъ только себя, и народъ для нихъ – недобросовестное знамя. И народъ никогда не признавалъ и не признаетъ ихъ программы. Мало того, онъ отрицаетъ одно изъ главныхъ положеній ихъ программы – ограниченіе самодержавія. Онъ дорожитъ самодержавіемъ и по поэтическимъ преданіямъ. Но это неважно. Онъ дорожитъ имъ, оно нужно ему, потому что только черезъ самодержавіе, онъ чувствуетъ, знаетъ, что можетъ достигнуть своего одного главнаго желанія – общности земли. Онъ знаетъ, что только самодержавный царь могъ разбить рабство крѣпостное, и ждетъ того же отъ царя и по отношенію къ земле, зная очень хорошо, что, если во власти будетъ не царь, а господа, то ему, какъ ушей, не видать земли. Онъ знаетъ это, не справляясь о томъ, что это самое произошло и во всей Европе.

Такъ вотъ мое мнѣніе: правительство всякое, и русское, есть ужасный, безжалостный, безсовѣстный разбойникъ, отъ котораго надо всѣми силами стараться избавиться. Политическіе дѣятели нашего общества и времени, составляя очень легкомысленный, тщеславный и самоувѣренный классъ людей, пѣну общества, видятъ всѣ недостатки русскаго правительства и, воображая, что все дѣло въ устройствѣ и составе русскаго правительства, мутятъ верхній слой общества, съ темъ чтобы сменить и измѣнить правительство. Этой операціей, чѣмъ бы она ни кончилась, они только ухудшаютъ положеніе, вызывая все большій и большій раздоръ и ненависть между правительственными и антиправительственными людьми. Правительство, какъ разбойникъ, не можетъ уступить, потому что чѣмъ больше оно уступаетъ, темъ больше открываются его преступленія, и борется и будетъ бороться тѣмъ единственнымъ средствомъ, которое есть у разбойника: убійствами, казнями. Убійства и казни вызываютъ еще большую ненависть въ политическихъ дѣятеляхъ. И зло будетъ расти и расти, вызывая съ обѣихъ сторонъ все большія и большія злодейства и готовность къ нимъ. И все больше и больше будетъ заслоняться отъ людей то единственное средство избавленія отъ всякаго зла, которое ясно всѣмъ людямъ, которое ничѣмъ не можетъ быть пріостановлено и которое самымъ вѣрнымъ и быстрымъ путемъ достигаетъ не только осуществленія той программы, которую выставляютъ политическіе деятели, но и самаго высшаго блага и личности и общества, которое можетъ достигнуть чловѣкъ.

Средство это состоитъ въ томъ, чтобы каждый чловѣкъ понялъ, что онъ не хозяинъ жизни, не можетъ знать того, что для него хорошо, а тѣмъ менѣе можетъ знать, въ чемъ общее благо того общества, въ которомъ онъ живетъ, что онъ не хозяинъ, а слуга той воли, которая послала его въ жизнь, и что поэтому онъ обязанъ, не заботясь о томъ, что изъ

этого выйдет, исполнить законъ этой воли. Законъ же этотъ состоитъ въ увеличеніи любви, согласія, единенія между людьми, а не въ борьбѣ съ ними, и что стоитъ только каждому человеку исполнять этотъ законъ хотя бы въ самой слабой степени, хотя бы только въ той степени, чтобы не участвовать въ преступленіяхъ правительствъ, въ грабежахъ, мучительствахъ, убійствахъ, и то самое зло правительства всякаго, и русскаго, съ которымъ борются политическіе дѣятели, исчезнетъ само собой и никогда уже не возвратится.

«Но неужели намъ, полнымъ силы и энергіи людямъ, – говорятъ на это, – ограничиться тѣмъ, чтобы сложа руки сидѣть и совершенствоваться? Построить себѣ келью подъ елью и наслаждаться своимъ совершенствованіемъ, – съ сарказмомъ говорятъ кипящіе энергіей смѣлые, решительные деятели. – Дѣятельность эта слишкомъ тѣмъ,

[1] какъ говорятъ англичане».

Но что же дѣлать, если всѣ настоящія плодотворныя деятельности таковы? Что за деятельность копать грядки и сажать жолуди, старательно закрывая ихъ землею? То ли дѣло – пойти съ топоромъ въ лѣсъ, нарубить возъ зеленыхъ вѣтокъ и растыкать ихъ, какъ молодой садъ, вокругъ дома! Горе только въ томъ, что всѣ эти вѣтки, очень пріятныя, черезъ два дня засохнуть и пойдутъ на поджожи, а изъ посаженныхъ жолудей вырастутъ дубы, которые переживутъ 10 поколѣній, составляя ихъ радость и гордость.

* № 3.

О представительствѣ же, требованія котораго съ такой увѣренностью выставляютъ либералы и революціонеры, народъ если и имѣетъ какое-либо мнѣніе, то совершенно противоположное тому, которое выражаютъ за него его самозванные представители. Народъ въ своей большой массѣ стоитъ за самодержавіе. Онъ стоитъ за него и по инерціи и по вѣрѣ въ то, что только черезъ самодержавіе онъ можетъ достигнуть своего одного, главнаго желанія – общности земли. Только тотъ самодержавный царь, который могъ разбить крепостное рабство, можетъ и отнять землю у господъ и отдать мужикамъ, думаетъ народъ, господа же сами не отдадутъ земли. Ошибается иди не ошибается народъ, думая такъ, такова, несомненно, его очень определенная программа.

Комментарии Н. К. Гудзия

Приводимые в комментарии цитаты из неопубликованных дневников и записных книжек Толстого извлекаются из автографов, хранящихся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени Ленина и в Государственном Толстовском музее. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, как и в других случаях, означают: АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛИ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ».

В связи с возникшей с середины 1904 г. агитацией земств в пользу ограничения самодержавия и введения в России представительного образа правления, в ноябре 1904 г. Толстой получил от филадельфийской газеты «North American Newspaper» телеграмму следующего содержания: «Очень оценили бы подробный ответ на сто или более слов, объясняющий значение, цель и вероятные последствия земской агитации. Американцы глубоко заинтересованы. Североамериканская газета». 18 ноября Толстой ответил телеграммой на английском языке, текст которой в переводе автора приводится в самом начале статьи. Содержание этой телеграммы было приведено в № 331 «Московских ведомостей» от 30 ноября 1904 г. и по поводу нее было написано несколько полемических статей в русских газетах и ряд укоризненных писем, адресованных Толстому. Иностранные же газеты продолжали направлять ему запросы по поводу происходящих в России событий. В ответ на все эти статьи, письма и запросы Толстой и написал статью «Об общественном движении в России». В связи с ней в Дневнике читаем следующую запись от 20 января 1905 г.: «Долго не писал. Всё это время... только и делал, что написал заметку о моей телеграмме о событиях. Всё это мало интересует меня». Автограф статьи датирован 13 января 1905 г. 22 января она была послана Черткову в Англию для напечатания, а 24 января было еще послано дополнение к ней. Таким образом работа над статьей происходила в промежутке между 13 и 24 января 1905 г.

К статье относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (А4, папка 79), и в АТБ (папка XXXIV, рукопись, описанная под № 13).

Автограф. 3 полулиста почтовой бумаги, один лист почтовой бумаги, четвертушка писчего листа, согнутая пополам, и две восьмушки писчего листа – всего 18 нумерованных рукой Толстого страниц, сплошь исписанных. Заглавия нет. Начало: «Каждый день получаю письма съ

упреками за мою телеграмму въ Америку». Конец: «которые переживутъ 10 поколѣній, составляя ихъ радость и гордость». И затемъ подпись и дата 13 января. Текст автографа значительно отличается от окончательной редакціи статьи. Вслед за абзацемъ, начинающимся словами: «Не только русское, но всякое правительство», стр. 157, строка 13, следуетъ вариантъ, который печатаемъ отдельно под № 1. Вслед за абзацемъ, кончающимся словами: «отходитъ на задній планъ», стр. 159, строка 20, следуетъ вариантъ, которымъ заканчивается статья в автографе и который печатаемъ также отдельно под № 2.

2. Рукопись на 11 четвертушкахъ писчей бумаги, отрезанныхъ от четвертушки, и на одномъ полулисте писчей бумаги, вогнутомъ пополамъ, с отрезанной верхней половиной первой страницы. Первые 9 четвертушекъ написаны рукой П. А. Буланже, вторые 2 четвертушки, склеенные изъ несколькихъ частей, и 2 полосы бумаги – на пишущей машинке. Всё это представляетъ собой копию автографа, в которой одна четвертушка утрачена. Копия сильно исправлена Толстымъ. Цѣлыя страницы и ряды строкъ зачеркнуты, и вместо зачеркнутого написанъ новый текстъ. 2 полосы отрезаны от четвертушекъ и вместо нихъ вклеены новыя полосы с исправленнымъ текстомъ. На полулисте рукой Толстого написано продолженіе статьи («И потому первое и главное... т. е. человекъ религіозно-нравственный»), всё исписано в одной стороны. Все исправленія и дополненія, сделанныя Толстымъ в копии, большею частью приближаютъ текстъ ея къ тексту окончательной редакціи статьи. Абзацъ, где речь идетъ о приверженности народа самодержавію, от котораго онъ ждетъ благопріятнаго разрешенія земельного вопроса, Толстымъ измененъ такъ:

О представительствѣ, требованія котораго съ такой увѣренностью выставляють либералы и революціонеры, народъ если и имѣетъ какое либо мнѣніе, то совершенно противоположное тому, которое выражаютъ за него его самозванные представители. Народъ въ своей большой массѣ стоитъ за самодержавіе. Онъ стоитъ за него и потому, что онъ обмануть, и по инерціи, и по суевѣрному представленію о томъ, что только черезъ самодержавіе онъ можетъ достигнуть своего одного главнаго желанія – общности земли. По его понятіямъ только тотъ самодержавный царь, который могъ разбить крѣпостное рабство, можетъ и отнять землю у господъ и отдать мужикамъ. Очень можетъ быть, что онъ ошибается (я думаю, что онъ ошибается), но такова его очень опредѣленная программа.

3. Рукопись на 2 согнутыхъ пополамъ полулистахъ писчей бумаги, 12 четвертушкахъ, частью склеенныхъ изъ несколькихъ частей, и 3 полосахъ бумаги, отрезанныхъ от четвертушекъ. Всё написано на пишущей машинке с одной стороны и исправлено и дополнено рукой Толстого. Дополненія, кроме того, сделаны имъ на полулисте почтовой бумаги и на обложке рукописи. Данная рукопись представляетъ собой исправленную авторомъ копию предыдущей рукописи. Отдельныя четвертушки и части ихъ переписаны и исправлены несколько разъ. В рукописи недостаетъ, по крайней мере, одной четвертушки. Многочисленныя исправленія, сделанныя Толстымъ, такъ же какъ и перестановки абзацевъ, приближаютъ еще болѣе текстъ рукописи къ окончательному тексту статьи. В самомъ концѣ приписанъ слѣдующій абзацъ, затемъ исключенный:

И потому, что бы не происходило въ жизни людей: мир или война, спокойное теченіе жизни или смута, человѣку разумному предстоять всегда одна высшая передъ всѣми другими обязанность: исполнять законъ, волю Бога, состоящей въ уничтоженіи раздора и злобы и увеличеніи огласія и любви Производитъ же это можетъ человѣкъ только въ себѣ, и потому на себя и должны быть направлены всѣ усилія каждаго человѣка. «Да вѣдь казнятъ, ссылають, запрещаютъ говорить, убиваютъ беззащитныхъ людей на улицахъ, гонятъ на бойню на Дальній востокъ всю молодую силу Россіи», говорятъ на это. «Ты видишь все зло Россіи, возмущаешься имъ, такъ тѣмъ болѣе тебѣ надо сдѣлать усилія надъ собою, чтобы не дѣлать того, что такъ возмущаетъ тебя. Чѣмъ больше зла вокругъ тебя, тѣмъ больше должно быть твое усиліе не дѣлать его. Только въ этомъ ты найдешь успокоеніе и только такою дѣятельностью ты достигнешь уничтоженія того, что возмущаетъ тебя.

Вслед за этимъ подпись и дата – 16 января 1905 г.

4. Рукопись на 4 согнутыхъ пополамъ полулистахъ писчей бумаги, 13 четвертушкахъ и 13 полосахъ бумаги, отрезанныхъ отъ четвертушекъ. Некоторые полулисты и четвертушки составились изъ отдельныхъ, склеенныхъ другъ о другомъ частей. Все переписано на пишущей машинке на одной сторонѣ листа и исправлено и дополнено рукой Толстого. Данная рукопись – исправленная авторомъ копія предыдущей, причемъ отдельные четвертушки и части ихъ переписывались и исправлялись несколько разъ. Исправления и дополнения, сделанные Толстымъ въ рукописи, – новый этапъ на пути къ окончательной редакціи статьи. Въ абзацѣ объ отношеніи народа къ самодержавію, приведенномъ при описаніи рукописи № 2, зачеркнуты слова «и потому что онъ обмануть», «по его понятіямъ» и «я думаю, что онъ ошибается»; вместо «по суевѣрному представленію о томъ» написано: «по вѣрѣ въ то». Къ статьѣ добавленъ текстъ неподписаннаго письма и заключеніе, после котораго – собственноручная подпись и дата – 20 января 1905 г.

5. Рукопись на 17 нумерованныхъ листахъ в 4°, исписанныхъ съ одной стороны на пишущей машинке и исправленныхъ рукой Толстого. Копія предыдущей рукописи. Исправления сделаны въ направленіи къ тексту окончательной редакціи. Въ концѣ статьи на пишущей машинке подпись и дата 20 января 1905 г.

6. Автографъ на 1 листѣ в 4°. На одной страницѣ, сильно исчерканной, – начало (первый абзацъ) вставки, о которой Толстой писалъ Черткову въ письмѣ отъ 24 января 1905 г. Начало: «Поверхностно судящіе, легкомысленные люди». Конецъ: «то не было бы того, что такъ возмущаетъ общество». На другой страницѣ отрывокъ текста, не попавшій въ статью. Начало: «И потому совершающееся теперь въ Россіи событія». Конецъ: «губительно существованіе всякаго правительства и».

7. Автографъ на 2 листахъ почтовой бумаги большаго формата и на четвертушкѣ писчаго листа, исписанныхъ съ обеихъ сторонъ. Первая до конца написанная черновая редакція вставки, о которой Толстой писалъ Черткову въ письмѣ отъ 24 января. Начало: «Поверхностно судящіе легкомысленные люди». Конецъ: «а в томъ, чтобы избавиться отъ него,

уничтожить его». Следующие затем несколько строк зачеркнуты. Текст автографа соответствует той части статьи, которая начинается теми же словами, что и Автограф, и оканчивается словами «а в том, чтобы избавиться от всякого правительства, уничтожить его, стр. 161, строка 18 – стр. 163, строка 22.

8. Рукопись на 7 листах в 4°, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой и исправленных рукой Толстого. Нумерация – по листам. Первый лист и в этой рукописи перенесен в следующую. Эта рукопись – исправленная автором копия автографа вставки, описанной под 7.

9. Рукопись в 4° на 1 четвертушке и 5 согнутых пополам полулистах писчей бумаги, исписанных рукой Ю. И. Игумновой и исправленных Толстым. Нумерация по четвертушке и полулистам (1–6). За исключением четвертушки, перенесенной сюда из предшествующей рукописи, всё остальное – исправленная автором копия рукописи, описанной под № 8. Вверху первой страницы рукой переписчицы написано: «К странице 8-й».

10. Рукопись на 1 листе тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, исписанного с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой с поправками рукой Толстого. Лист обозначен цифрой 3. Начало: «Бѣдствіе это ужасно». Конец: «въ данную минуту считают закономъ». Копия листа предшествующей рукописи, также обозначенного цифрой 3 и сильно исправленного Толстым. Текст рукописи, описанной под № 9, вместе с текстом рукописи, описанной под № 10, заменившим собой часть рукописи № 9, соответствует части печатного текста от слов: «Поверхностно судящие, легкомысленные люди», стр. 161, строка 18, кончая словами: «избавиться от всякого правительства, уничтожить его», стр. 163, строка 22. В рукописном тексте лишь недостает абзаца, начинающегося словами «Отношение, положение и настроение русских людей», стр. 163, строка 12.

11. Автограф на 1 листе почтовой бумаги. Исписано лишь начало страницы:

Но мало того, что правительства, т. е. власть однихъ праздныхъ людей управлять всѣми рабочими людьми народа, располагая ихъ трудами и жизнями, губительна для народовъ; власть эта, когда то, можетъ быть, на что-нибудь нужная народу, теперь стала совершенно бесполезной.

Над этим текстом рукой Ю. И. Игумновой написано: «К странице 8-й». Очевидно, это та маленькая вставка, о которой Толстой в «post-scriptumе к письму к Черткову от 24 января пишет, что он решил ее выкинуть (см. ниже).

12. Рукопись на полосе тонкой копировальной бумаги, вырезанной из листа большого почтового формата, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Начало: «Теперешнее насильническое правительство». Конец: «сложится такое же, столь же насильническое правительство». Текст соответствует одному абзацу статьи, стр. 158» строки 22–31) и представляет собой, видимо, уцелевшую незначительную часть копии с рукописи, описанной под № 5.

43. Рукопись на 14 листах тонкой копировальной бумаги большого

почтового формата, написанных с одной стороны на пишущей машинке, с поправками рукой Ю. И. Игумновой. В конце рукописи дата 20 января 1905 г. Очевидно, Игумнова в этот экземпляр копии внесла те поправки, которые сделаны были Толстым в другом экземпляре той же коим, от которого сохранилась лишь одна полоса, описанная под №12. Далее от 8-й страницы рукописи отрезана нижняя часть текста, начиная от слов «Так что мнение мое о совершающихся теперь в России событиях такое», и вслед за словами «либералы отдаются этому губительному заблуждению» идет текст – «Поверхностно судящие люди... избавиться от всякого правительства, уничтожить его». Страницы, содержащие этот текст, обозначены цифрами 9, 10 и 11. К 11-й странице приклеена отрезанная часть страницы 8-й, и нумерация дальнейших страниц переделана: цифры 9, 10, 11 исправлены на 12, 13, 14.

Таким образом после того как текст основных 11-ти страниц без вставки в идентичной рукописи был отправлен Черткову в Англию, была окончательно отредактирована вставка, один экземпляр которой был отправлен Черткову, а другой приложен к данной рукописи.

22 января, отвечая Черткову на его письмо и отзываясь о заметке, которая написана была Чертковым в дополнение к его статье «0 революции» перед напечатанием ее в России, Толстой писал: «Нынче я думаю, что совсем окончил эту заметку, и завтра она переписется и отошлется вам. Хорошо, что, или скорее дурно, что я писал ее прежде получения вашей статьи, а то бы я и вовсе не писал ее, так как в ней сказано то самое, что в вашей статье.

Как всегда, делайте с этой заметкой что и как хотите. Я писал ее, имея в виду и личные (интервьюеров) и письменные и телеграфические запросы от английских, французских, американских газет.

Нехорошо в моей заметке то, что я не могу победить в себе недоброжелательства к тем либералам и революционерам, которые, руководимые ребяческим легкомысленным и тщеславным задором, губят и жизни и духовные силы людей, увлекая их в нелепые, бессмысленные затеи».

В приписке к этому письму Толстой написал: «Посылаю вам свою заметку и возвращаю вашу. С моей, как вам писал, делайте что хотите. Мне неприятно было ее писать, потому что в ней много недосказанного, того, что я начал писать в большой статье об этом предмете. И теперь, отправляя ее, мне кажется, что она слаба, и лучше вовсе не печатать ее. Если вы согласны с этим, так и делайте. Если же будете печатать, то печатайте как есть. Не возвращайте меня к ней. Времени мало, а так хотелось бы много еще сказать и, как мне кажется, более важное» (А4).

24 января Толстой писал Черткову: «Посылаю вам, дорогой друг, небольшое добавление к стр. 8-й и вставку в той же странице на 6-й линейке снизу. Маленькую вставку решил выкинуть» (А4). Вставка на 6-й линейке снизу – это, очевидно, абзац, начинающийся словами: «Отношение, положение и настроение русских людей» и кончающийся словами: «(фарисей и мытарь)», стр. 163, строка 16, напечатанный в издании Черткова, но не находящий себе соответствия ни в одной из

рукописей. О «маленькой вставке» сказано было выше при описании рукописи № 11.

18 февраля Толстой писал Черткову: «Сейчас перечел свою заметку об американской телеграмме и думаю, что несколько линеек о представительстве, начинающиеся со слов: «О представительстве же...» и до слов: «И потому либеральные и революционные... лучше выпустить. Сделайте это, пожалуйста, если есть время» (А4).

Абзац этот, исключенный по желанию Толстого, в его окончательной редакции (по рукописи, описанной под № 13), печатаем в вариантах (№ 3).

Получив рукопись статьи и вслед затем вставки к ней, Чертков в письме к Толстому от 40 февраля н. с., сочувственно отзываясь о статье, советовал ему исключить слова «и народ для них недобросовестное знамя», стр. 159, строка 24, переделать абзац, который Толстой в письме от 18 февраля просил Черткова совершенно исключить, и затем внести несколько изменений частью стилистического характера, частью смыслового. Письмо заканчивается следующими словами: «Пожалуйста, ответьте безотлагательно. Если не получу своевременно вашего ответа, то приму эти изменения на свой риск. Но меня очень успокоило бы ваше согласие (А4).

Но Толстой ничего не ответил по поводу этих предложений Черткова. Была, следовательно, дана лишь санкция на изменение абзаца, который Толстой сам просил изменить в письме от 18 февраля.

Статья «Об общественном движении в России» вышла в 1905 г. в издании «Свободного слова», причем Чертков ввел в текст статьи все предложенные им поправки, исключив совершенно абзац, относительно которого Толстой писал в письме к нему от 18 февраля. Поправки Черткова сводятся к следующему. Вместо «и для этого употребляют», стр. 158, строка 3, напечатано: «и для исправления этого люди эти употребляют»; вместо «не говорят ни в парламентах ни в прессе», стр. 159, строки 18–19 – «не говорят в парламентах, почти что не говорят в прессе»; вместо «всё больше и больше отходит на задний план», стр. 159, строка 20, – «остается совершенно на заднем плане»; фраза «и народ для них недобросовестное знамя», стр. 159, строка 24, исключена; вместо «бессмысленная... война», стр. 161, строка 29, напечатано: «легкомысленная... война»; вместо «Там в один день убиваются и казняются в сто раз большее число людей», стр. 161, строки 35–37, – «Там, на войне, убивается и казнится в сотни раз большее число людей»; вместо «но общество равнодушно», стр. 161, строка 39, – «но большая часть общества равнодушна»; вместо «всегда происходят», стр. 162, строка 26, – «всегда происходит и будут происходить»; вместо «собрания людей», стр. 162, строка 38, – «собрания». Кроме того, в тексте издания оказалось несколько второстепенных опечаток.

Прежде чем появиться на русском языке в издании «Свободного слова», статья была напечатана в заграничных газетах на иностранных языках, причем, в виду позднего получения Чертковым письма Толстого от 18 февраля с предложением исключить из статьи абзац о представительстве

и самодержавии, в некоторых газетах текст статьи был напечатан с этим абзацем. По этому поводу Чертков писал Толстому 18 апреля: «Ваше письмо, к сожалению, получилось только вечером накануне дня выхода статьи. Я тотчас же телеграфировал во все стороны. В Times'e успели выкинуть, но в Париже не успели: переводчик поехал ночью в редакцию, но всё уже было напечатано и разослано. В Берлин также телеграфировал, но не знаю, как там» (АТБ).

Все последующее публикации статьи являются перепечатками с издания «Свободного слова». Такой же перепечаткой с этого издания является и публикация статьи в двенадцатом издании сочинений Толстого, часть девятнадцатая, М. 1911 (том конфискован).

В виду того что от Толстого не была получена специальная санкция на те поправки, правда, в большинстве второстепенные, которые допущены были в издании «Свободного слова», мы печатаем статью по тексту рукописи, описанной под № 13, сверенному с автографами, исключая абзац, изъятый по распоряжению самого Толстого.

Примечания.

Стр. 156, строки 9–20. Подлинный текст телеграммы, отправленной Толстым, следующий.

«Philadelphia North American Newspaper

Nov. 18. 1904.

Scope Zemstvo agitation restriction of despotism and establishment of representative government. Probable results cannot be foreseen. Will the agitation's leader attain their aim or only continue stirring public in both cases sure results of whole matter will be delay of true social amelioration. True social amelioration can be attained only by religious moral perfectionment of all individuals. Political agitation putting before individuals pernicious illusion of social improvement by change of forms habitually stops the real progress as can be observed in constitutional countries France, England, America».

Стр. 156, строки 21–22. В № 331 «Московских ведомостей» от 30 ноября 1905 г. была напечатана следующая заметка, озаглавленная: «Л. Н. Толстой о конституции».

„Выходящая в Филадельфии газета North American печатает следующую полученную ею от графа Л. Н. Толстого телеграмму.

«Я полагаю, что результатом поднятой в земских сферах агитации будет лишь замедление процесса социального улучшения русского народа. Нынешнее движение приветствуется как заря новой эры свободы; в действительности же оно представляется преградой на пути истинного прогресса. Истинный духовный подъем, как общества, так и правительства, зависит исключительно от религиозного и нравственного перерождения отдельной личности. Конституционное правление же не может уврачевать человеческие страдания. Это подтверждается

положением, господствующим ныне во Франции, Англии и Америке»“.

Стр. 156, строка 27, Под «петербургским злодеянием» Толстой разумеет события 9 января 1905 г. – расстрел мирной демонстрации рабочих у Зимнего дворца.

Стр. 162, строки 14–16. Абиссинская война с Италией – за независимость Абиссинии – происходила в 1895–1896 гг. и кончилась поражением итальянских войск и освобождением Абиссинии от протектората Италии.

Англо–бурская война (1899–1902) после упорного сопротивления буров окончилась победой Англии и присоединением к английским владениям двух дотоле независимых южно–африканских республик Трансвааля и Оранжевой, населенных бурами и кафрами.

В 1895 г. вспыхнуло революционное восстание на острове Кубе, принадлежавшем Испании. Посланные для усмирения восставших испанские войска действовали малоуспешно. Северо–американские Соединенные Штаты, вложившие значительные капиталы в различные предприятия Кубы, вмешались в дело и в апреле 1898 г. объявили войну Испании, сосредоточившуюся у Антильских и Филиппинских островов и окончившуюся поражением Испании. По Парижскому миру 10 декабря 1898 г. Испания отказалась от владения Кубой и Филиппинскими островами. Куба вскоре стала независимой республикой, а Филиппинские острова отошли к Соединенным Штатам.

За десять слишком лет до этого Китай постепенно становился объектом экономической эксплуатации различных сильных держав – Японии, Германии, России, Франции, Англии. В 1900 г. вспыхнуло в Китае так называемое боксерское восстание, направленное против засилья иностранцев и сурью ими в 1901 г. подавленное при самом активном участии России.

Еще с начала XIX в. Англия в поисках внешних рынков начала свои посягательства на Тибет. В 1900 г. Тибет добиваемся своей дипломатической защиты со стороны России. Но в 1904 г. Англия, видя затруднительное военное положение России, отправила в Тибет в пополнение к своим прежним военным отрядам, новые войска, занявшие в августе 1904 г. Лхасу; далай–лама бежал в Монголию. По договору, заключенному с тибетским правительством в сентябре того же года, прежнее влияние на Тибет Китая сведено было на нет, и Тибет попал в полную экономическую зависимость от Англии.

Колониальные войны европейских государств с различными африканскими народами велись на протяжении почти всего XIX столетия и в начале XX.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904–1906 гг. Художественные произведения, напечатанные в этом томе, не только не получили окончательной авторской отделки, как и все так называемые «посмертные произведения», но и в большей своей части (три из пяти) не закончены. Печатаются они однако, в согласии с принятым в этом издании порядком, в начале тома, перед законченными статьями, по новой орфографии, но тем набором (корпусом без шпон), которым печатаются незаконченные, неотделанные и неопубликованные при жизни произведения Толстого. Впервые публикуются здесь две до сих пор не опубликованные статьи Толстого – «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты из черновых рукописей к произведениям, ранее опубликованным.

Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, непечатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимения «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью; причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь, в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, в одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом о оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек,

сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что

не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия портрета Толстого 1905 г. – между XII и 1 стр. стр.

Примечания

1

[тихая, бесцветная,]